

«Поддержатъ состояние и дать образование детям...»

(Учебные заведения Вишневских)

В выступлении на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. деятельное участие принимал член Северного общества, лейтенант гвардейского экипажа Фёдор Гаврилович Вишневский (1801-1863). Позднее он был осужден по XI разряду, разжалован в солдаты и сослан на Кавказ. Здесь Вишневский служил в Ширванском полку вместе с другим декабристом Петром Бестужевым и принимал участие в штурмах Карса и Ахалциха. Благодаря большим связям, довольно быстро в 1832 г. Вишневскому был возвращен офицерский чин, и он снова перешел на службу во флот, а в следующем году получил разрешение перейти на гражданскую службу. Скончался он в Москве¹.

Первая и единственная заметка о роде Вишневских была опубликована в журнале «Былое»². Ее автор Е. Щепкина писала, что Ф. Г. Вишневский был мало известен и не играл в декабристском движении видной роли.

Целью данной статьи не является выявление роли Вишневского. Нас ин-

тересует другое, а именно — та дворянская семья и среда, из которой он происходил.

Из дел Департамента герольдии Сената Е. Щепкина установила, что родоначальник семьи Вишневских Фёдор прибыл в Россию из Трансильвании в конце XVII в. В 1728 г. он был уже подполковником. В 1744 г. произведен в генерал-майоры и отправлен императрицей Елизаветой в Венгрию с хозяйственными поручениями (в том числе для закупки вин), где и скончался в 1749 г. На его могиле по распоряжению императрицы был поставлен памятник. Его сын Гаврила жил недолго; в 1742 г. вышел в офицеры из шляхетного корпуса, а в 1752 г. умер, успев жениться на княжне Мещерской, дочери генерал-поручика и коменданта Санкт-Петербургской крепости. Его сыновья Иван и Фёдор проявили себя очень деловыми людьми³.

Действительный статский советник Иван Гаврилович Вишневский служил в Киеве сначала председателем палаты уголовного суда, затем гу-

бернским прокурором. По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, отец которого был киевским обер-комендантом, Вишневский — «человеколюбивейший из судей, что, кажется, довольно великая похвала для уголовного председателя. Он был домосед, и, как говорили тогда, человек начитанный и просвещенный. Вместо себя посылал он в общество дородную жену свою Ульяну Степановну, сестру нашего посланника в Константинополе, добрую и почтенную даму. С нею было у него два сына, которые воспитывались в Вене и коих возвращение отняло у киевских родителей желание посылать детей за границу; да еще куча дочерей, очень хороших девок, между коими были и хорошенькие. Замечательно то, что при них находилась русская мамзель, Прасковья Ивановна: другого прозвания ей не было. Бог весть, где и как выучилась она иностранным языкам, была строгой нравственности и имела сверх того другие познания, которые нельзя найти у выписанных мамзелей. Сим доказывается, как давно можно было бы завести у нас сей полезный класс женщин»⁴.

Фёдор Гаврилович Вишневский, дед будущего декабриста, служил в конной гвардии, женился на княжне Прасковье Барятинской, дочери бригадира князя Фёдора Гавриловича. В 1778 г. вышел по болезни в отставку в чине полковником армии и занялся обширным хозяйством. У него было девять детей (шесть сыновей и три дочери)⁵. К началу XIX в. дед декабриста, по подсчетам Щепкиной, «имел состояние в 1 000 душ, если не более»⁶.

Изучение родословной свидетельствует, что в семье Вишневских существовало два родовых мужских имени — Фёдор и Гавриил. Поэтому декабрист Фёдор Гаврилович, старший сын Гавриила Фёдоровича, был полным тезкой своего деда, так же как его отец — своего.

Отец декабриста Гавриил Фёдорович, как следует из его формулярного списка за 1827 г.⁷, еще недорослем в 1776 г. был записан в Измайлов-

ской полк унтер-офицером. 1 декабря 1793 г. был пожалован в прапорщики, в 1795 г. — в подпоручики. В том же году, 7 декабря «за болезнью» он был уволен от службы с тем же чином. Вскоре он женился на Софье Михайловне* Еропкиной.

Это была удивительная женщина. И. И. Лажечников характеризовал ее как умную, образованную женщину, примерную мать и жену, а о ее супруге писал: «Благородный, добрый, истинный джентльмен по своей жизни и в обращении со студентами»⁸. Один за другим в семье рождались дети: Прасковья, Марья, Фёдор, Елизавета, Николай, Алексей, Надежда.

Через 13 лет Вишневский вынужден был вернуться на службу. 28 мая 1808 г. он был определен в Москву в Экспедицию кремлевского строения с переименованием в титулярные советники, через полгода получил чин коллежского асессора, 5 апреля 1812 г. — чин надворного советника. За время службы он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Тем не менее, по словам Софьи Михайловны, жалованья супруга в 500 рублей «было недостаточно к пропитанию семейства». «Необходимость понуждала к изобретению пособий, соответствующих роду и воспитанию». Супруги Вишневские нашли выход: «Учреждение пансиона для девиц представилось благородным средством поддерживать состояние и дать образование детям»⁹. Первое свое учебное заведение для девочек Вишневские создали в Москве примерно в 1811 г. Такой вид заработка супруги сочли достойным для людей столь высокого дворянского происхождения, поскольку речь шла о благосостоянии их семьи и будущности детей. «Но при первой надежде ожидаемых плодов от сего заведения оно вторжением неприятеля в столицу уничтожилось, и горестнейшее бедствие отяготило страждущее семейство»¹⁰.

* О том, что она Михайловна, следует из ее подписи на прошении, поданном директору казанских училищ С. Н. Николаеву (см.: НА РТ, ф. 977, оп. Училищный Комитет, д. 486, л. 3).

Во время захвата Москвы французами Вишневский оставался в городе, пытаясь сохранить государственное имущество. Позднее его обвинили, вероятно, в растратах и судили.

Пока Г. Ф. Вишневский находился под судом, его супруга вместе с детьми переехала в Санкт-Петербург и поселилась в 1-м квартале Адмиралтейской части в доме № 21¹¹. «Крайность положения семейственного понудила [ее] обратиться к прежнему спасительному пособию, к учреждению [...] Пансиона для девиц»¹². В мае 1815 г. она подала прошение директору училищ Санкт-Петербургской губернии с просьбой разрешить ей открыть женский пансион. К прошению прилагалось «Описание учебным предметам с назначением для каждого часов в пансионе, учреждаемом надворною советницею Вишневской»¹³. План пансиона отсутствовал. В сентябре того же года пансион был открыт.

Судя по «Описанию учебных предметов», девочки учились по четыре часа в день (с 9 часов утра до 8 часов вечера), за исключением среды и субботы, когда отсутствовал последний урок. Между уроками были большие перерывы. Первые, утренние часы отводились для занятий языками. Последние, вечерние уроки предназначались для занятий музыкой и танцами.

Плата с воспитанниц была дифференцирована. За обучение «со столовым содержанием, включая все издержки для жительства воспитанниц, плата для каждой из них назначается в год по тысяче рублей». Для девочек, не обучающихся музыке, «по восемьсот рублей, соображаясь, впрочем, с их возрастом и состоянием, уменьшая за малолетних в первые годы, а равно и за недостаточных, назначаемую плату»¹⁴.

В начале 1816-1817 учебного года в пансионе обучалось уже 13 пансионеров, «платящих: четыре — по тысяче рублей, пять — по восемьсот, три — по пятьсот и одна — без платы»¹⁵. На первый взгляд, дела в пансионе шли успешно. Однако, как писала Вишневская, «издержки весьма превосходят

получаемое теперь на содержание»¹⁶. Сказывался недавний переезд в новый город. Финансовые затруднения заставили Вишневскую обратиться в конце сентября 1816 г. с просьбой о покровительстве и «вспоможении» сначала к императрице Елизавете Алексеевне¹⁷, а в начале декабря того же года к ее супругу — царствующему императору Александру I. К прошению прилагался «План пансиона» и «Краткое описание жизни учредительницы пансиона», предлагаемые вниманию читателей ниже.

«План пансиона» Вишневской свидетельствует о ее неопытности в начале дела. Учредительница пансиона стремилась придать своей деятельности не только образовательный и воспитательный характер, но и благотворительный. Вместе с тем пансион создавался с целью «оградить свое семейство от нужды и дать приличное воспитание детям»¹⁸.

Большую часть «Краткого описания жизни учредительницы пансиона» Вишневская посвящает служебной деятельности супруга. О себе — только происхождение и сведения о родителях. Ни в одном документе Вишневская не называет имени ни своего отца, ни матери, только фамилии. Ей было нужно указать на свою принадлежность к этим знатым аристократическим родам: Еропкины ведут свое происхождение от Рюрика, Бутурлины — татарская фамилия, восходящая к временам Московского царства, был и графский род Бутурлиных. Среди представителей обеих фамилий — генералы, губернаторы, сенаторы. Даже если родство и было отдаленным, сама принадлежность к этим родам повышала ее социальный статус. Рассказывает Вишневская и о причинах учреждения своих пансионов и трудностях в работе.

9 марта 1817 г. прошение Вишневской было получено в Департаменте народного просвещения. Министр народного просвещения князь А. Н. Голицын обратился к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову с предписанием

рассмотреть прошение Вишневской и представить свое мнение¹⁹. Тот, в свою очередь, обратился к директору училищ Санкт-Петербургской губернии И. Тимковскому.

7 апреля 1817 г. директор доносил о пансионе Вишневской: «Пансион сей благоустройством своим соответствует во всем существующим для оных узаконениям и начальственным распоряжениям. Содержательница оного госпожа Вишневская, урожденная Еропкина, будучи сама матерью не малого семейства, чувствуя в полной мере цену благоразумного воспитания детей, посвятила себя совершенно усерднейшему и неусыпному попечению об образовании ума и сердца вверенных ей родителями дочерей своих и в сем отношении наилучшим образом заменяет всю нежность, усердие и благоразумную попечительность родительскую. Ныне находится в пансионе ее еще только 13 благородных девиц, для которых соответственно плану своему обязана иметь 10 учителей, то самое число, каковое предполагалось при 50 пансионерках, получая за каждую по 800 р. в год. Каковая плата в отношении к благоустройству заведения ее есть, по нынешнему времени, самая умеренная. Г[оспо]жа Вишневская как по затруднению получить в скором времени, согласно с предположением своим до 50 воспитанниц, так и по горестным обстоятельствам жизни своей, объясненным в кратком описании при плане пансиона ее, принужденною себя нашла прибегнуть к стопам Государя Императора»²⁰.

Директор заключал: «Сколько мог я проникнуть и удостовериться из скромных ее со мною личных объяснений, достаточным бы почла пособием [...] десять тысяч рублей, хотя заимообразно^{*}, есть ли не возможно заменить возврат оной суммы немедленным помещением для воспитания в пансионе ее, согласно с предположением ее, без всякой платы по соизволению Его императорского величества шесть девиц из детей недостаточного

состояния родителей, в службе находящихся или из оставшихся по смерти таких сирот. Таковое призрение и воспитание шести девиц без всякой за них платы обязывается г[оспо]жа Вишневская продолжать, доколе заведение ее существовать будет»²¹.

19 мая 1817 г. Александру I доложили о деле Вишневской. Император не мог пожаловать деньги на частный пансион, это создало бы прецедент для аналогичных обращений со стороны других содержательниц. Определять сирот в частные пансионы не имело смысла, поскольку этим целям служили воспитательные дома и Смольный институт благородных девиц. «Высочайшего соизволения» на прошение Вишневской не последовало. Содержательнице пансиона отказали в пособии²².

Не установлено, как долго Вишневская содержала в Санкт-Петербурге пансион. Не исключено, что вскоре он был закрыт, так как затраты на него превосходили доходы.

Супруг Софьи Михайловны Гавриил Фёдорович до мая 1817 г. числился в Экспедиции кремлевского строения. В конце августа 1817 г. он был определен чиновником по особым поручениям в министерство полиции. Во время службы его командировали от министерства «для содействия в заготовлении и доставлении в с[анкт]-петербургские запасные хлебные магазины в разных низовых губерниях ржаной муки годовой пропорции». После присоединения министерства полиции к министерству внутренних дел по указу 4 ноября 1819 г. он перешел на службу в МВД. 31 декабря 1819 г. Вишневский был произведен в коллежские советники. Через год 20 декабря 1820 г. он уволился из министерства по собственному прошению²³.

29 октября 1821 г. Вишневский был принят в число чиновников почтового департамента. В конце 1822 г. он был приглашен М. Магницким на службу в Казанский университет. Представляя Вишневского на должность инспектора студентов и директора педагогиче-

^{*} Выделение чертой соответствует выделению в документе.

ского института, Магницкий засвидетельствовал, что он ему «известен более 20-ти лет и по благовоспитанию и правилам своим к просимому месту совершенно способен, а по бедности и большому семейству просимую помощь заслуживает»²⁴. Вишневский прослужил в должности инспектора студентов и директора педагогического института почти пять лет (с 9 января 1823 по 3 августа 1826 г.). В Казань он прибыл весной 1823 г. 28 мая Вишневский был приведен к присяге протоиереем Александром Нечаевым, при этом присутствовал исправляющий должность директора университета ректор Г. Б. Никольский²⁵.

В конце первого года службы в университете Вишневский был назначен председателем Строительного комитета. Он оставался в этой должности до 25 февраля 1825 г. С 27 февраля по 30 сентября 1825 г. он исправлял должность директора университета. Таким образом, в течение 1824-1825 гг. Вишневский совмещал три административных должности. За время службы он по представлению Магницкого был награжден министром духовных дел и народного просвещения «за отличное усердие к службе» 1 500 рублей²⁶.

К 1823 г. у Вишневого была довольно большая семья: четыре сына и пять дочерей. Старший сын Фёдор служил в гвардейском экипаже лейтенантом, Николай — коллежским регистратором в почтовом департаменте²⁷; дочери Прасковья и Марья были уже замужем. Вероятно, другие сыновья — Алексей и Степан — обучались в каком-то учебном заведении, а три дочери — Елизавета, Надежда и Елена — находились при родителях. Таковы основные вехи служебной деятельности Вишневого, зафиксированные в его формулярном списке о службе за 1827 г.²⁸ В нем он аттестовался способным и достойным к статской службе.

Вместе с супругом переезжает в Казань Софья Михайловна. 28 ноября 1823 г. она подала прошение директору казанских училищ С. Н. Николаеву исходатайствовать ей разрешение на

открытие в Казани женского пансиона. В доказательство своей способности к тому она приложила копию свидетельства от Санкт-Петербургского учебного начальства²⁹.

1 декабря 1823 г., рассматривая прошение Вишневской, Совет университета одобрил правила*, на которых она предполагала завести пансион, а поскольку «сведения и нравственные качества ее, как примерной матери семейства, искусной наставницы» не подлежали никакому сомнению, ей дозволили приступить к исполнению своего предприятия³⁰. В январе 1824 г. она открыла в Казани женский благородный пансион. Почти одновременно с ней ее супругу также было дано разрешение на открытие мужского пансиона.

По прошествии полугода, 6 июня, Вишневская в прошении директору казанских училищ С. Н. Николаеву объяснила, что она принимала в пансион «воспитанниц, по временам поступающих и притом с первоначальными только познаниями», поэтому «при наступающем каникулярном времени публичного испытания оным произвесть не может» и просит отложить его до будущего года³¹.

Совет университета 17 июля 1824 г. предписал директору училищ произвести частное испытание в пансионе Вишневской, а затем донести об успехах и состоянии пансиона³².

В 1824 г. в пансионе Вишневской восемь учителей вели занятия с 13 ученицами, за которыми присматривала одна надзирательница³³. Столько же воспитанниц было и в казанском пансионе французенки Марии Пото, но при шести учителях и одной надзирательнице. В следующем году положение ухудшилось. В течение года из пансиона выбыли, не окончив учения, семь учениц³⁴, осталось только шесть воспитанниц, которым преподавали семь учителей. Судя по всему, пансион Вишневской не совсем удачно конкурировал с пансионами М. Пото и С. Юнгвальд. В первом было 17, а во

* Вероятно, она представила тот же «План пансиона», что использовала в Санкт-Петербурге.

втором 19 учениц³⁵. Вероятно, к концу 1825 г. пансион Вишневской прекратил свое существование. В отчетной ведомости за 1827 г. в Казани значится только пансион С. Юнгвальд³⁶.

Если пансион Софьи Михайловны просуществовал примерно два года, то пансион ее супруга — только шесть месяцев.

Вишневский стал содержателем мужского пансиона при университете через год после прибытия в Казань. 19 февраля 1824 г. попечитель округа, «желая положить начало благородному пансиону при университете дозволил [...] инспектору студентов Казанского университета Вишневскому принимать к себе воспитанников с тем, чтобы, когда число их будет довольно значительно, передал он их университету. Само собою разумеется, что он обязан распорядиться так, чтоб сие заведение ни мало не отвлекало его от исполнения возложенной на него должности»³⁷. Таким образом, пансион Вишневского должен был стать воплощением административных усилий М. Л. Магницкого, выдвинувшего в 1819 г. идею создания при Казанском университете пансиона для детей дворян и чиновников³⁸.

Но уже через полгода до попечителя дошли сведения о беспорядках в пансионе Вишневского. Об этом известил Магницкого директор университета Г. Б. Никольский.

Поручая профессору университета В. Я. Баженову провести ревизию, попечитель писал 26 сентября 1824 г.: «До сведения моего дошло, что пансион, заведенный инспектором студентов Вишневским, по нижеследующим беспорядкам навлекает нарекание университетскому начальству, а именно:

1. Советник Казанской адмиралтейской канторы Мамаев взял к себе двух сыновей своих, не дождавшись окончания года и оставя в пользу содержателя забранные им вперед деньги, потому: а) что дети его в течение семи месяцев учения в пансионе г. Вишневского не только ничего не переняли, но забыли и то, что зна-

ли, как удостоверился он совершенно, испытав их сам во время вакаций, ибо публичного испытания, по уклонению от одного г. Вишневского, не было; б) что видел опасность, оставив детей в таком заведении, где нет надзора за ними, ибо они могут повредить тут и душу и тело; в) что дети его рассказывали, как бывший в сем пансионе ученик Дембровского показывал им разные мерзости, как дети переняли от него много формул скверно-матерных слов. Отец с [со]жалением увидел, что детям его в течение семи месяцев прильнули многие худые привычки.

2. Что ученики в свободное время бегают без всякого надзора по двору и делают различные шалости, например: выкачивают колесом из колодца воду, что и большим людям должно делать с осторожностью; купают в бадье крыс, привязавши их к веревочке; берут друг друга за ноги и приподнимают на перевес в колодец, пьют, разогревшись во время игранья, холодную воду и что, может быть, от сей причины пансионер Тироль, получив жабу, помер.

3. Что стол пансионеров, судя по сумме одной тысячи рублей с каждого, — недостаточен, ибо держится обще с казеннокоштными студентами, отчего стол на последних доходит ныне до 11-ти и 12-ти рублей в месяц на каждого, между тем как при бывшем инспекторе стоил не более 8-и и 9-ти»³⁹.

В тот же день попечитель отправил предписание Вишневскому с требованием прислать объяснение⁴⁰. Получив его, попечитель в октябре 1824 г. укорял Вишневского в «неуважении к местному начальству», в проявлении административного «самоуправства» и внушал инспектору необходимость избежания «ожесточенной личности между людьми, коим вверено христианское воспитание студентов», так как «мы должны некогда дать ответ Богу в воспитании, которое нам вверено, в примере, который подавали, в соблазнах, коим, вместо назидания, были поводом»⁴¹. Под «местным начальством» М. Л. Магницкий подразумевал дирек-

тора университета Г. Б. Никольского, с которым у Вишневого сложились неприязненные отношения, отразившиеся в переписке.

Вопрос о содержимом инспектором Вишневым пансионе и о пользовании казенным столом для прокормления его пансионеров породил обширное дело. Суть в том, что довольствование казенным столом пансионеров было первоначально одобрено Никольским «в надежде, что в сложном содержании оно будет лучше и дешевле»⁴². Однако «опыт показал, — добавлял Никольский, — что г. инспектор возвысил цену за стол, несмотря на то что плата повару стоит дешевле»⁴³. Директор отмечал, что в своем объяснении Вишневский «хвалится своей готовностью на всякого рода пожертвования для пользы университета, но умалчивает о тех выгодах, которые взаимно получает от университета, в виде жалованья, награждений и от содержания своего пансиона, помещенного в казенных зданиях, при готовом отоплении»⁴⁴.

В заключение Никольский заметил: «Цель частных сведений в прошедшем 1824 году в канцелярию Вашего превосходительства, мной сообщенных, на основании которых истребованы изъяснения г. Вишневого, была та, чтобы примириться с ним по службе. Теперь она уже исполнилась»⁴⁵, поскольку Никольский получил отставку от должности директора, а Вишневский «достиг того, что, по видимому, давно желал, то есть большой власти»⁴⁶ — назначения «временно» исполнять должность директора университета. Инспектором студентов был назначен адъюнкты Я. А. Миллер⁴⁷.

По представленным правлением университета ведомостям в среднем на стол казенного студента и пансионера тратилось в месяц: в 1821 г. — 10,58 руб., в 1822 г. — 9,49; в 1823 г. — 8,86; в 1824 г. — 11,24; в 1825 г. — 11,54; в 1826 г. — 11,42 руб. ассигнациям⁴⁸. Таким образом, стоимость питания в течение трех лет сокращалась, а в 1824 г. достигла уровня 1821 г. и

несколько превысила его. Вишневский объяснял это своими стараниями о том, чтобы «кушанья для студентов приготовлялись из припасов свежих и были сытными»⁴⁹.

Внушение со стороны М. Л. Магницкого заставило Г. Ф. Вишневого думать о потере покровительства со стороны попечителя, поэтому в прошении от 23 октября 1824 г. он просил отставки от всех занимаемых им должностей: инспектора студентов, директора педагогического института, председателя Строительного комитета, члена комиссии для свидетельствования университетских строений; а также выдачи аттестата, паспорта и послужного списка о службе для вступления в другой род службы. Однако просьба Вишневого была оставлена без действия. Свой пансион он закрыл⁵⁰. В «ведомости» за 1825 г. он отсутствует.

Неприязненные отношения Вишневого с Никольским начались с самого прибытия нового инспектора в университет. В основе лежало сложное материальное положение Вишневого, вернее, его многочисленные и значительные долги. При назначении его в Казанский университет он получил тот же оклад, что и его предшественник коллежский советник Ф. П. Барсов — 2 900 руб. Кроме того, ему были выданы «на подъем» 700 руб. из училищного капитала и 2 000 руб. в счет жалованья из Департамента народного просвещения⁵¹.

Дело о долгах Вишневого началось с прошения княжны А. П. Волконской к попечителю округа от 25 июня 1823 г. Она просила вычесть долг Вишневого 1 070 руб. из его жалованья⁵². 24 сентября 1823 г. подал аналогичное прошение исправляющий должность бухгалтера при Казанском университете коллежский секретарь Синюков о долге 10-летней давности (в 500 руб.)⁵³, 12 мая 1824 г. — княжна Елена Гико* (в 675 руб.)⁵⁴, 14 мая — француз Бидо (в 1 500 руб.)⁵⁵, 7 июля — А. А. Стратилатов (в 200 руб.)⁵⁶, в

* Деньги занимала супруга Вишневого и просила об отсрочке платежа на один год.

ноябре 1824 г. Волконская сообщила о долге в 2 545 руб.⁵⁷ Таким образом, общий долг Вишневого составлял 6 490 руб. ассигнациями. Кроме того, он был должен профессору Санкт-Петербургского университета надворному советнику А. И. Галичу 2 660 руб. Всего: 9 150 руб. Большая часть долгов была сделана в начале 1823 г., когда Вишневский переезжал в Казань (7 550 руб.).

Прошения кредиторов Вишневого М. Л. Магницкий отправлял к директору университета Никольскому с просьбой сделать надлежащее распоряжение⁵⁸. Поскольку Вишневский все свое жалованье за 1823 г. «употребил на переезд в Казань и первое обзаведение», то вычеты планировалось производить из его жалованья с начала 1824 г.⁵⁹ Последовавшие вслед за прошением Волконской прошения других заимодавцев Вишневого заставили правление университета обратиться к нему с просьбой показать «обстоятельства и приключения, от коих пришел [он] в несостояние»⁶⁰.

Гавриил Фёдорович признался, что «имения он за собою никакого не имеет и никогда не имел, хотя только в недавнем времени лишился надежды получить следовавшего ему, вместе с двумя родными братьями, его наследства после родителей, имевших около двух тысяч душ крестьян, из коих большей половины, по разным несчастным обстоятельствам, они лишились еще при жизни своей*, а оставшимся по кончине их имением** равномерно не мог он воспользоваться при открывшемся также значительном родительском долге, на уплату которого должен был предоставить и оное оставшееся имение в пользу кредиторов»⁶¹.

* Вероятно, имения Вишневских, находившиеся в Костромской, Тульской и Тамбовской губерниях, пострадали во время Отечественной войны 1812 г.

** Здесь возникает одна проблема. Вишневский пишет о кончине родителей, вероятно, имея в виду отца и мать. Е. Щепкина же пишет, что Фёдор Гаврилович Вишневский «до самой смерти в 30-х гг. хлопотал по делам огромной семьи». Следовательно, в рассматриваемый период был жив (см.: Щепкина Е. Помещичье хозяйство декабристов. Дворянские гнезда Каховских, Повало-Швейковских, Якушиных, Вишневских // Бюл. — 1925. — № 3. — С. 15).

Кредиторы тоже не обнаружили у Вишневого никакого имущества. Университетскому «правлению же известно, что он имеет только носильное платье, необходимые мебели в квартире, которую занимает в зданиях университета, и несколько ученических столов, скамеек и кроватей для заводимого им пансиона, долженствующего впоследствии времени, по предписанию [попечителя], перейти в ведомство университета (выделено нами. — С. Ф.)»⁶².

Вишневский признавал только четыре долга (Синюкову, А. Стратилатову, Е. Ю. Волконской и А. И. Галичу) и «по неимению наличных денег предоставил производить вычет из жалования его»⁶³. Каждую треть года на уплату долгов вычиталась третья часть жалования⁶⁴.

Целый ряд обстоятельств (арест старшего сына, надвигавшаяся отставка покровителя Вишневого М. Л. Магницкого) заставили Гавриила Фёдоровича просить об увольнении его от должностей инспектора студентов и директора педагогического института и употребить «на службу по усмотрению в других частях управления Казанского университета, с сохранением ныне получаемых окладов»⁶⁵. Надежду на это давала ему «с лишком 25-тилетнее, беспорочное служение [...] в различных должностях»⁶⁶.

М. Магницкий, со своей стороны, в представлении министру народного просвещения А. С. Шишкову ходатайствовал за Вишневого, «отличного нравственностью и усердием к службе», и просил оставить его при делах Строительного комитета для составления подробного описания движимого и недвижимого имущества университета с сохранением прежних окладов⁶⁷. На место Вишневого Магницкий предлагал назначить главного надзирателя Казанской гимназии адъютанта Н. Д. Брашмана, а вместо Брашмана — помощника инспектора студентов Никитина.

Это представление казанского попечителя вызвало резкий выговор со стороны министра. Шишков считал, что делаемые попечителем «весьма ча-

стые» перемещения чиновников «ничего не могут произвести, кроме вреда для службы». «По сей причине, — продолжал Шишков, — равно как и потому, что Вишневский определен инспектором студентов и директором педагогического института по высочайшему соизволению, я нахожу неудобным ходатайствовать об утверждении вышеозначенного представления Вашего, тем более что дела по строению в университете должны производиться учрежденным для того Комитетом и членом его надворным советником Калашниковым»⁶⁸. Министр просил распорядиться оставить чиновников всех при своих должностях, «потому более, что ныне по высочайшему повелению производится ревизия дел по управлению Казанским округом»⁶⁹.

3 августа 1826 г. Вишневский был, наконец, освобожден от занимаемых должностей и определен непрременным членом Строительного комитета.

На место Вишневого был определен В. Я. Баженов⁷⁰. После сдачи должности Вишневский был должен оставить казенную квартиру в здании университета. Но он хотел вместо нее получить в университетских зданиях другую квартиру, удобную для его семейства. В конце августа 1826 г. в зданиях университета были свободны только две квартиры. Одну в начале года занимал попечитель, другую — секретарь правления Алашеев. Ректор университета К. Ф. Фукс предлагал Вишневскому «по его выбору одну, ибо другую надобно приготовить для чиновника Департамента народного просвещения надворного советника Власова, коему господин министр предписал дать квартиру в университетских зданиях. Но г. Вишневский желает или обе сии квартиры занять, или ту, в которой жил бывший господин попечитель и где помещается ныне канцелярия его, с тем, чтобы к оной придана еще была смежная к ней квартира, г. Калашниковым занимаемая»⁷¹. 31 августа 1826 г. правление университета предписало Вишневскому «занимаемую им ныне квартиру очистить без замедления», вы-

брать одну из квартир, предлагавшихся университетом, «причем изъяснить ему, что других квартир, которые бы сих были удобнее, университет в своих зданиях не имеет»⁷².

17 сентября В. Я. Баженов вступил в должность инспектора студентов и директора педагогического института, а 21 сентября перебрался на казенную квартиру⁷³.

Не найдя подходящего жилья в университете, семья Вишневого переехала в Москву. Сам он остался в Казани и в апреле 1827 г. обратился к новому управляющему округом с просьбой о переводе его в Московский учебный округ⁷⁴.

После представления М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения А. С. Шишкову Вишневский был утвержден 5 октября 1827 г. в должности директора училищ Владимирской губернии «с обязательством отвечать по счетам» Строительного комитета до окончания ревизии дел⁷⁵. Таким образом, события 14 декабря и суд над сыном, по-видимому, не повлияли на его положение. Тем не менее, как следует из отношения попечителя Московского учебного округа А. А. Писарева Мусину-Пушкину от 3 марта 1828 г., Вишневский к новой должности не явился. Задержка произошла из-за того, что он отчитывался по финансовым делам Строительного комитета и был уволен только 23 апреля 1828 г.⁷⁶

Через три дня в письме к Мусину-Пушкину Вишневский, прощаясь со службой в университете, благодарит попечителя за «доброе [...] внимание и милости, коими [...] имел счастье пользоваться в продолжение [своего] служения под [его] справедливым начальством»⁷⁷. Но основной целью письма было не выражение благодарности начальнику. Вишневский снова обратился к обстоятельствам своей службы при университете и просил исходатайствовать ему «приличное трудам своим вознаграждение», надеясь, что Мусин-Пушкин не оставит «своим покровительством чиновника, столь много *потерявшего* (выделено

нами. — С. Ф.) в течение пятилетнего служения его при университете»⁷⁸.

«Известно Вам, милостивый государь, — пишет, обращаясь к попечителю, Вишневский, — расстроенное состояние моего семейства и те обещания предшественника Вашего, кои завлекли меня на службу в университет и коих исполнения я ожидал напрасно. Поступив инспектором студентов и директором педагогического института, я, кроме сих обязанностей, по поручению г. Магницкого занимал место председателя в Строительном комитете, без жалованья за сию последнюю должность; впоследствии им, г. попечителем, поручено мне исправление должности директора университета; по сложении коей вновь возложены первые обязанности, а по увольнении от звания инспектора и директора педагогического института определен я членом Строительного комитета с уменьшением жалованья и лишением казенной квартиры, коею пользовался со времени прибытия моего в Казань. От такого перемещения и поручения должностей, требовавших многих трудов и занятий, я, расстроясь в моем здоровье, а еще более в семейных обстоятельствах, принужден был просить о перемещении меня к другой должности и, получив оную в октябре прошлого года, до сего времени удерживаем был отпуском из Казани, чрез что доведен был уже до совершенного в домашнем положении расстройства»⁷⁹.

Какую же должность обещал М. Магницкий Г. Вишневскому? Директора университета? Тогда почему сразу после увольнения А. П. Владимирского в октябре 1822 г. директорское место занял не Вишневский, знакомый Магницкому с наилучшей стороны более 20 лет, а ректор университета Г. Б. Никольский, бывший, как и Владимирский, доверенным лицом попечителя? Думается, что попечитель хотел «испытать» Вишневского на новом для того поприще. Это подтверждают и обвинения Никольского против Вишневского в том, что тот стремился занять пост директора. На наш взгляд, правильнее предположить, что

Магницкий хотел назначить Вишневского директором Благородного пансиона Казанского университета, проект которого к концу 1822 г. окончательно определился*. Именно поэтому предложенная Вишневскому должность инспектора состояла, главным образом, в надзоре за нравственностью студентов и заботе об условиях их проживания в университете. В итоге Вишневский, как содержатель собственного пансиона, не оправдал доверия попечителя. С другой стороны, по ряду причин проект Благородного пансиона в Казани остался нереализованным.

Но Вишневскому льстило доверие Магницкого, выразившееся в назначении его сразу на несколько должностей, поскольку он, вероятно, думал получать увеличенное жалованье. Однако этого не произошло. Благодаря Магницкому, он был награжден за труды по службе 1 500 руб.

Покидая весной 1828 г. университет, Вишневский рассчитывал на материальное вознаграждение. Министр народного просвещения князь К. Ливен был в принципе не против этого и просил доставить к нему подробные сведения о заслугах Вишневского перед университетом⁷⁰. Мусин-Пушкин поручил это задание ректору университета Н. И. Лобачевскому, который сыграл роковую для Вишневского роль в этом деле, поскольку, доставив попечителю копию с формулярного списка Вишневского, заключил, что «какие-либо особенные заслуги, кроме значащихся в послужном списке его, из дел не видно»⁸¹. Мусин-Пушкин в своем представлении в министерство констатировал, что Вишневский служил еще до вступления его в должность попечителя⁸².

Таким образом, история учебных заведений Вишневских доказывает, что основание пансиона было делом семейным. Его возникновение было вызвано потребностями конкретной дворянской семьи, все члены которой

* К такому же выводу пришла и Е. Щепкина (см.: Щепкина Е. Помещичье хозяйство декабристов. Дворянские гнезда Каховских, Повало-Швейковских, Якушиных, Вишневских // Былое. — 1925. — № 3. — С. 17).

от мала до велика принимали участие в образовательном процессе.

Дворяне, тем более родовитые, редко обращались к решению проблем образования как основатели и руководители собственных учебных заведений. Если подобное происходило, то по причине сложного материального положения, которое не позволяло нанимать домашних учителей для своих детей. Чаще всего подобные дворянские пансионы основывались в усадьбах. Они становились центрами обучения детей провинциального дворянства в имениях богатых соседей.

Вишневские создавали пансионы в столичных городах: Москве, Санкт-Петербурге, позднее в Казани. Думается, что они не пользовались большой популярностью, по сравнению с пансионами, созданными иностранцами.

Причин было несколько. Но главное, иностранцы — учредители пансионов чаще всего имели хоть какой-то опыт педагогической деятельности, проработав ряд лет домашними учителями. Вишневские же не обладали подобным опытом. Отсутствие опыта в организации учебного процесса, заботы о многочисленном семействе не позволяли Софье Михайловне уделять должное внимание пансиону.

Деятельность Вишневого по его мужскому пансиону свидетельствовала о невозможности должным образом чиновнику от образования заниматься своим учебным заведением.

История пансионов Вишневских свидетельствует о тесном взаимодействии и возможном слиянии на определенном этапе государственной и частной систем образования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Воспоминания Бестужевых / Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского. — М., Л., 1951. — С. 802, 846.
2. Щепкина Е. Помещичье хозяйство декабристов. Дворянские гнезда Каховских, Повалов-Швейковских, Якушиных, Вишневских // Былое. — 1925. — № 3. — С. 15-18.
3. Там же. — С. 15.
4. Вигель Ф. Ф. Записки. В 7 ч. — М., 1891-1892. — Ч. 1. — С. 62.
5. Щепкина Е. Указ. соч. — С. 15.
6. Там же. — С. 16.
7. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 2183, л. 18-22.
8. Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804-1904. — Казань, 1904. — Т. 4. — С. 520; Лажечников И. И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. — М., 1989. — С. 488.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 20, д. 194, л. 3.
10. Там же.
11. Там же, л. 1.
12. Там же, л. 3 об.
13. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 139, оп. 1, д. 1351, л. 2-2 об., 5-5 об.
14. Там же, л. 5-5 об.
15. РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 194, л. 3 об.
16. Там же.
17. Там же, ф. 535, оп. 1, д. 7, л. 167-168 об.
18. Лажечников И. И. Указ. соч. — С. 488.
19. РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 194, л. 4.
20. Там же, л. 6-6 об.
21. Там же, л. 6-7 об.
22. Там же, л. 8.
23. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 2183, л. 18-22.
24. Загоскин Н. П. Указ. соч. — С. 325.
25. НА РТ, ф. 977, оп. Правление, д. 706, л. 1-1 об.
26. Там же, ф. 92, оп. 1, д. 2183, л. 18-22.
27. Там же, ф. 977, оп. Правление, д. 706, л. 23.
28. Там же, ф. 92, оп. 1, д. 2183, л. 18-22.
29. Там же, ф. 977, оп. Училищный Комитет, д. 486, л. 3.
30. Там же, л. 4.
31. Там же, д. 597, л. 1.
32. Там же, л. 3.
33. Там же, оп. Правление, д. 865, л. 102 об.-103.

34. Там же, оп. Училищный Комитет, д. 882, л. 82 об.-83.
35. Там же, ф. 92, оп. 1, д. 1956, л. 36 об.-37.
36. Там же, ф. 977, оп. Совет, д. 1242, л. 17.
37. Там же, ф. 92, оп. 1, д. 1739, л. 1.
38. Подробнее см.: Фролова С. А. Благородный пансион Казанского университета: замысел М. Л. Магницкого... и реализация? // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. – Казань, 2004. – С. 281-300.
39. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1989, л. 4-5 об.
40. Там же, л. 1-3.
41. Там же, л. 6.
42. Там же, л. 18.
43. Там же.
44. Там же, л. 23.
45. Там же, л. 27.
46. Там же, л. 27 об.
47. Там же, л. 28.
48. Там же, л. 37-40, 94, 119.
49. Там же, л. 27.
50. Там же, д. 1956, л. 36 об.-37.
51. Там же, ф. 977, оп. Правление, д. 706, л. 1-1 об.
52. Там же, ф. 92, оп. 1, д. 1665, л. 1.
53. Там же, л. 16.
54. Там же, д. 1775, л. 3-3 об.; д. 1665, л. 21.
55. Там же, д. 1775, л. 1.
56. Там же, л. 5.
57. Там же, л. 8 об.
58. Там же, д. 1665, л. 3.
59. Там же, л. 5.
60. Там же, л. 23 об.
61. Там же, л. 23 об.-24.
62. Там же, л. 24.
63. Там же, л. 24 об.
64. Там же, л. 17.
65. Там же, д. 1989, л. 1 об.
66. Там же.
67. Там же, л. 3.
68. Там же, л. 4 об.
69. Там же.
70. Там же, ф. 977, оп. Правление, д. 1300, л. 1.
71. Там же, л. 5-5 об.
72. Там же, л. 6.
73. Там же, л. 7.
74. Там же, ф. 92, оп. 1, д. 2183, л. 1 об.
75. Там же, л. 4.
76. Там же, л. 12.
77. Там же, л. 13.
78. Там же, л. 13 об.
79. Там же, л. 13 об., 24.
80. Там же, л. 15.
81. Там же, л. 18.
82. Там же, л. 23 об.

№ 1. Прощение С. М. Вишневской императору Александру I о покровительстве женскому пансиону

3 декабря 1816 г.
г. Санкт-Петербург.

Всемилоостивейший государь!

С преодолением обыкновенной разборчивости занятий в людях моего звания учредила я Пансион для воспитания девиц, чтобы собственными трудами доставить пропитание семейству, и за приложенное моими родителями попечение о[б] образовании моей нравственности заплатить некоторым образом долг Отечеству, посвятив себя пользе оногo.

Поднося при сем Вашему императорскому величеству план моего пансиона, всеподданнейше прошу удостоить сие заведение августейшим покровительством и всемило-

стивейшим пособием поддержать основание оногo, колеблемое горестным положением моего состояния, угнетаемого бедностью, причины коей, объясняя в приобщаемом к означенному плану кратком изображении моей жизни, с глубочайшим благоговением повергаюсь к священнейшим стопам Монарха-Благотворителя. Всемиловитейший государь! Вашего императорского величества

Верноподданная,
Софья Вишневская,
урожденная Еропкина,
надворная советница.

[...] Жительство имею 4-й
Адмиралтейской части,
1-го квартала, в доме под № 21-м.

РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 194, л. 1.

№ 2. План женского пансиона С. М. Вишневской в г. Санкт-Петербурге

3 декабря 1816 г.

План Пансиона для девиц, учрежденного надворною советницею Софьею Вишневскою.

Учредительница Пансиона приемлет на собственное свое попечение как избирать для преподавания наук достойных учителей, так и обучать девиц свойственным полу их рукоделиям и тщательно наблюдать за охранением их здоровья и образованием нравственности.

Девицы обучаются: Закону Божию, истории, географии, арифметике, мифологии, языкам по правилам грамматики: российскому, французскому, немецкому; чистописанию, рисованию, танцованию, музыке.

Время для классов и других занятий распределено удобнейшим образом, согласуясь в том с императорскими благотворительными заведениями, и для показания успехов в науках назначится один раз в год публичный экзамен.

Число девиц для воспитания назначается до пятидесяти.

Для непрерывного присмотра над оными учредительница вспомоществуема будет двумя иностранными надзирательницами и двумя старшими дочерьми своими.

Для покойного помещения воспитанниц учредительница поставляет своею обязанностью иметь удобнейшую квартиру. Каждая воспитанница найдет особую кровать с услугою.

Одежда их, как-то: платье, белье, обувь, а также и постели, они должны иметь по состоянию и соизволению родителей и родственников; учредительница же, с[о] своей стороны, наблюдает за чистотою и опрятностью.

На столовое содержание заготавливаются припасы лучшие и здоровые.

В случае болезни которой-либо из воспитанниц учредительница будет иметь искусного врача и для пользования потребные лекарства, учредя для больных особый покой.

За содержание сим образом, с преподаванием наук, кроме музыки, назначается годовая плата от каждой воспитанницы по восемьсот рублей, а с музыкою — по тысяче рублей, каковая плата, впрочем, может изменяться по состоянию представляющихся.

Учредительница, в засвидетельствование верноподданнического усердия к государю императору, поставляет своим долгом при каждых десяти девицах содержать одну, а при предполагаемом полном количестве пятидесяти, шесть девиц без платы, из сирот или недостаточного состояния родителей, посвятивших себя верноподданнической службе, по назначению таковых высочайшим Его императорского величества соизволением.

РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 194, л. 2-2 об.

Декабрь 1816 г.

Краткое описание жизни учредительницы пансиона

Надворная советница Вишневская из древней фамилии Еропкиных. Родители ее пеклись дать ей лучшее воспитание, не щадя достояния своего; но в самой юности смерть, похитив ее мать, бывшую из фамилии Бутурлиных, подвергла ее первому опыту страданий. Впоследствии расстройство в состоянии родителя, совершенная утрата всего его имения и, наконец, кончина, постигнувшая его в крайнем положении, довершили ее несчастье. Хотя, между тем, замуж[е]ство с Вишневым, бывшим тогда гвардии офицером, питало надежду будущего спокойствия, но в продолжение времени одно его жалование по служению в Экспедиции кремлевского строения в Москве, пятьсот рублей, было недостаточно к пропитанию семейства, состоящего ныне из четырех сыновей и пяти дочерей. Необходимость понуждала к изобретению пособий, соответствующих роду и воспитанию. Учреждение Пансиона для девиц представилось благородным средством поддержать состояние и дать образование детям; но при первой надежде ожидаемых плодов от сего заведения оно вторжением неприятеля в столицу уничтожилось, и горестнейшее бедствие отяготило страждущее семейство. Не имея способов скрыться от неприятеля, надворный советник Вишневский решился жертвовать собою и семейством к спасению Запасного Дворца, в котором имел свою квартиру и до пяти сот обывателей, искавших его покровительства. Верноподданническое рвение и человеколюбие его увенчаны ожидаемым успехом. Но тогда когда по изгнании неприятеля спасенные Вишневым сослуживцы его и сограждане благословляли его имя, когда подобное действие других удостоено монарших наград, Вишневский того же удостоиваемый отличною признательностью своего начальства, подвергся по единой злобе строгому исследованию и, будучи вынужден переселиться для жительства в Санкт-Петербург, наконец Правительствующим Сенатом признан совершенно невинным. Но пожертвование и здоровьем и состоянием не доведено еще до сведения сострадательного Отца Отечества, и крайность положения семейственного понудила обратиться к прежнему спасительному пособию, к учреждению по вышеначертанному плану Пансиона для девиц, который и принял свое существование в сентябре месяце 1815-го года. Ныне воспитывается в оном тринадцать пансионеров, платящих: четыре — по тысяче рублей, пять — по восемьсот, три — по пятьсот и одна — без платы. А как издержки весьма превосходят получаемое теперь на содержание, то и осмеливается надворная советница Вишневская испрашивать всемилостивейшего вспоможения.

РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 194, л. 3-3 об.

Публикацию подготовила
Светлана Фролова,
кандидат исторических наук

